

РАССКАЗЫ

ЧЕРНАЯ-ЧЕРНАЯ ШЛЯПА

Услышав первый раз про чудеса Христовы, а к ним еще легкий намек, что святые кое-что из этого тоже умеют, Петя спросил:

— А что нужно, чтобы стать святым?

— Ну, — ухмыльнулся папа кучеряво, — для начала Закон соблюдать. И в школу ходить тоже.

С тех пор Петя стал истово ходить в школу, вести себя хорошо и молиться (какой там человек-паук — он еще круче будет!).

Так и порос, так и поступил в Петербург на юрфак (папа хотел его устроить в семинарию, но мама настояла: «Пусть сначала нормальное образование получит!») — еще ехал в поезде и уже радовался: теперь-то точно никто его духовным делишкам мешать не будет...

Он сразу взял на себя строгую аскезу: рассудив, что «не убий» значит и животных тоже, он перешел на гречку и овсянку. Это, в общем-то, его мало стесняло — проблема была в другом: рассудив, что и комар тоже человек (в какой-то из будущих или прошлых жизней), он стал их жалеть. Зима — осень — ладно, комары сами померли. Но ближе к лету в утлой его комнатенке завертелся какой-то совсем уж несусветный представитель: за две недели подготовки к Петинной сессии этот комар ожирел до того, что уже и летать почти разучился. Петя пучил глаза в Уголовный кодекс и весь чесался: крови ему было не жалко (он считал, это даже закаляет характер), но вот писк среди ночи (вертолеты какие-то) был невыносим.

Захлопнув учебник, в совершенном отупении он пошел мыться (кран, как обычно, предлагал то кипяток, то арктическую прорубь), ошпарился — шмякнул рукой по стене — и прибил этого ожирелого комара в кафель.

Плакал Петя два дня — и еще неделю замаливал свой грех голой гречкой.

С этого убийства (повторившего в какой-то мере жертву Христову) Петя крепко отвернулся от всех искушений смрадного Вавилона — он не взглядывал на женщин и совсем не пил вина (да и чай позволял себе редко — впрочем, иногда срывался на лимонад), молился круглые и квадратные сутки, ходил на все службы подряд (во все храмы: католические, буддийские, иудейские), продал все вещи и раздал деньги бомжам у «Пятерочки», подпоясался бесцветным рубищем, перестал врать (что много осложнило сдачу сессии), в какой-то момент даже бросил ходить по-большому (но по-маленькому приходилось — тут уж никак) — бывало и трудно, но зато Петя иногда летал в полсантиметре над землей (хотя до телепортации все же было далековато).

Никита Денисович Немцев родился в 1997 году в Красноярске. Окончил ИЖЛТ (бакалавриат, журналистика), РГГУ (магистратура, русская литература), сейчас учится в аспирантуре ВШЭ (русская литература). Лауреат премии Лицей-2019 (второе место в номинации проза), публиковался в журналах «Алтай», «Знамя», «Юность». Живет в Москве.

Возвращаясь как-то с заутрени по сизой набережной Грибоедовского, он вдруг ощутил, как комариком завилась гаденькая мысль: а если он будет свят — и знать *наверно*, что он свят, — тогда ведь он попадает в лапы гордыни. Спасаясь от гордыни, он сразу падает в уныние, пока отдирает от ноги уныние, ему в плечо цепляется гордыня — и хана его иночеству...

В погрустневшем настроении Петя остановился у моста с мраморными львами, склонился на сырые перила, жадно глядя, как ребрятся волны (все что-то нашептывая). Помолится, перекрестится — дальше пошел.

На гранитном углу перил, у спуска к воде взгляд цепляла заманчивая шляпа. Она лежала отменная, змеиной кожи, с широченными полями (и от солнца, и от мерзшей мороси спасет), с ремешком, в капельках, грязноватая сбоку. Пете она страсть как понравилась — озиравшись, он схватил ее, перевернул дном вверх (*made in France* — и виньетки подбоя) и положил на место. Ее же ищут — не оставили же ее так? А вот так вот взять ее — это все равно что украсть...

Подумалось, что примерить — все-таки не взять, накинул на голову и посмотрелся в мутное стекло сжавшейся под дождем машины. Выглядел он как какой-то немецкий волшебник (или сапожник) — и шляпа ему так шла... Перекрестившись, Петя положил ее еще раз, сунул руки в карманы и как можно скорее пошел дальше, дальше. Шагов через пятнадцать он подумал, что это вздор так шляпу терять: она же на голове — это сразу заметишь. А ну пьяный?.. И шляпа какая-то дорогая — обладатели таких, наверное, могут и поразбрасываться! А если бы это Петя шляпу потерял? Нет, вот он дойдет до дома, посидит полчаса и вернется — если шляпа будет, то подберет. Да, да, так и сделает!..

И тут Петя представил, как эту шляпу берет какая-то чужая. Не хозяйская. Рука.

Он быстро вернулся, надел шляпу на ходу — и пошел совсем в другую сторону.

Заглядывал в окна, в зеркала — хорошо шляпа сидит? А она порхала, как парус, она лежала, как верблюд, она блестела от устремленности взглядов. Довольный, Петя зашел в какую-то булочную, заказал графин лимонада (кажется, впервые за два года), съел два круассана, подумал, что жизнь хороша, и вернулся домой (развратно раскинувшиеся клубы Думской поманили было, — но все равно был день).

Он поднялся по ступенькам и прошел в свою чахлую комнатушку — с уничтожающим писком на шляпу сел комар — Петя его машинально прихлопнул и побледнел от ужаса: он тут же бросился смывать кровь со шляпы (в общем-то, свою же), пока не впиталась.

В шляпе он был теперь постоянно (перечитывал конспекты в майке и шляпе; молился, склонив шляпу смиренно; спал, надвинув шляпу на лицо) — разве что в душе снимал (а то испортится).

Петя стал чаще выходить из своей кельи, сбрил хаер поповича, оставил рубище на какой-то из помоек и переменял весь гардероб (шляпа настойчиво попросила). В какой-то момент он стал даже захаживать на концерты и модные мероприятия, коими лопаются Петербург. На фестивале джаза будущего (или индастриала будущего — трудно было разобрать) к нему подошла одна — с загадочным кивком и словами:

— Боаз и...

— Яхин, — выговорил Петя (ему услужливо подсказала шляпа).

Это была Лиля — из его универа, курсом постарше: слегка саблезубая, с милыми щечками (на такие удобно ставить ладошки и умиляться), зеленоватыми кругами под глазами, короткой стрижкой в стиле «Жанна Д'Арк», смешливая, как дурьшка. Она всегда ходила, задумчиво коренаясь, в каких-то черных балахонах и одеяниях и — разумеется — шляпе.

— Приходи завтра. — Она протянула шелушащуюся желтым бумажку: «Либавский переулок, 3Л» — и испарилась в толпе.

Петя долго сидел у себя, глядя то на эту бумажку, то на Сергия Радонежского (половину иконостаса он распродал (деньги ушли на шмотки), но какой-никакой красный угол все же оставался): он сидел и чесал шляпу. Если бы сейчас к нему зашел папа и сказал, что он влюбился как мальчишка — Петя не поверил бы (да еще бы, наверное, харкнул в рожу; ну это, впрочем, уже шляпа — любительница пошалить). Но вообще — да, он влюбился в эту Лилю как мальчишка.

И как дурак, поперся в этот Либавский переулок (хотя назавтра был серьезный зачет), в самый конец Фонтанки (в тех краях оброставшую неприветливыми промзонами из выцветшего кирпича): единственная открытая дверь зияла под фонарем — он спустился. Обычный подвал с трубами и сырым запахом разукрасил припадочный неон, перевернутые кресты, пентаграммы, мертвые веточки, расклеенные по стенам, и люди — через одного — в мантиях и шляпах.

— Тут типа Хэллоуин? — спросил Петя одного, тоже мявшегося у входа.

— Не. Просто арт-пространство такое.

Петя понял, что этот парень не мнется, а проставляет светящиеся печати на руке. Петя протянул запястье:

— А мантии зачем?

— Типа отсутствие эго. Ну современное искусство, короче...

Поглядывая на печать царя Соломона на своей руке и попивая какой-то пунш, сбиваясь в попытках вспомнить то «Символ веры», то «Отче наш», Петя двигался в толпу. Вдруг показалась Лиля: с разъехавшимися глазами, в капюшоне и с микрофоном — она просто ходила и орала под две ноты на бас-гитаре (на ее фоне какого-то парня забривали). Поправив шляпу, Петя внимательно смотрел — и думал, что минут через пятнадцать он, наверное, домой.

— Хесебен ан исе ежи шанечто!! — Лиля повалилась на пол в судороге какой-то и, по-паучьи семеня, уползла в угол.

Тут все захлопали, а Петя смутно отправился за ней.

— Ты нормально? — Он сел на корточки.

Лиля с размазанно-довольным лицом лежала, как на пляже.

— Ты здесь! — Она схватила его за руку с какой-то неестественной радостью (и снова опустила голову). — Почему?

— Ну... Ты же меня позвала. Вот я и не мог... — ответил он глупо, смотря в ее черные густые глаза: сердце вдруг побледнело.

— Это хорошо. — Лиля кивнула робко и улыбнулась во весь рот — Петя испугался ее высоких зубов.

Она резко подскочила и, не говоря ни слова, ушла на улицу. Петя встал с корточек, постоял под сыро гудящей трубой (заиграла тягучая музыка с коматозными гитарами) и пошел за Лилей.

Подрагивая, он встал у выхода, как идиот (даже не курит), а та подходила к людям, стискивала их лица и жадно целовала в щеки. Какую-то девушку она конкретно засосала (парни вокруг смотрели с особенным интересом). Красный (но от неона скорее фиолетовый), Петя развернулся и скорей в подвал.

— Как это тупо, как это тупо... — повторял он и ткнулся в барную стойку.

— Привет. Клевая шляпа.

Как бы подсвеченная (еще заранее видно, что подойдет), к нему подседа русоволосая нимфа (правда, дохлая нимфа). Петя улыбнулся выжато и сказал (больше для приличия):

— Привет. Клевый жилет.

— Я Рая. Ты здесь один, ковбой?

— Ну... Кхе... — Шляпа подсказывала что-то, но Пете не понравилось, что она говорит. — Наполовину.

Сидя за барной стойкой, они повели какой-то никчемный разговор. То и дело Петя жмурился — от Раи шел голубоватый свет: длинноволосая, русая, с острым взглядом и скромными губами (зловеще подмигивал неон) — с такой здорово на разбитом полустанке варить кофе в турке.

Шляпа ему как-то давила — ссылаясь на головную боль, Петя пошел на выход. Он уже надевал пальто (вверх ногами), когда Рая его догнала:

— Может, обменяемся телефонами?

Он пробурчал свой, она набрала — не ловит (подвал же), тут подлетела Лиля и стиснула его в объятия. Петя успел только бросить виноватый взгляд на Раю — на страстно захлопнутые Лилины глаза (это было невозможно) — и поддался поцелую — бездонному, ошеломляющему, — вихрем выросла какая-то совсем другая жизнь: пьяные огни, танцы, мутные адреса, бесконечные люди с мириадами лапок разговоров — и Петя чем-то зеленым блюет в ванну.

— Ну ты долго там? К Тасе опоздаем! — раздалось из-за двери.

Петя с ужасом узнал Лилин голос, но шляпа успокоила его и ободрила: ты же ее любишь, а Христос что говорил про любовь? Больше веры и надежды...

— Это у святого Павла в послании... — Он ополоснул лицо и вышел из ванной.

Петя давно покинул свою комнатенку и переехал к Лиле (и весь красный угол распродал). Пьянки сменялись тусовками, тусовки — арт-вечерами, арт-вечера — перформансами: улицы Петербурга размякли во хмелю — они стали совсем родные, вязкие: наступая ногой, он сразу проваливался в какое-то мероприятие, а из него в какую-то тусовку.

Но по Лилиной квартире он ходил, как бы боясь что-нибудь задеть.

— Ну как тебе? — Лиля покружилась в короткой кожаной куртке и рыжих очках (киберпанк какой-то).

— Х-хорошо, — сказал Петя (на всякий случай).

— Давай собирайся, а то опоздаем.

Вдруг брякнул звонок. Петя был ближе — он пошел открывать: огромный, с пакетом каких-то пирожных и сердитыми кучерявыми бровями, — это был папа.

— Ты чего дома в шляпе ходишь? — спросил он, щурясь и оглядываясь.

— Да так, на улице нашел. А ты здесь как?

— Проездом.

Из-за Петинного плеча вылезла обезьянкой Лиля:

— Здравсьте! — и Пете (с язвочкой): — Ну ты как знаешь, а я опаздывать не собираюсь.

— Я тебя догоню.

— Ага.

Она скользнула в башмаки и хлопнула дверь. С седым взглядом, отец стоял молча.

— Давай по чаю, что ли? — Петя кивком пригласил его на кухню.

— Ну давай по чаю.

Чайник был еще горячий. Разлив и поставив руки на кружку, как на печку, Петя подул (чуть сбивая дымок) и прихлебнул — горячий, пробирающий нутро.

— Во-от ты, значит, какую жизнь повел... — Отец хлебнул и посмотрел сыну строго в глаза. — Ничего, все блуждают...

— Как мама? — спросил Петя.

- Не знаю, она в Ригу уехала.
- Зачем?
- Надоело.

Помолчали еще. Комары больше не жужжали — они бледнели красноватыми пятнышками на стене. Со щекой на кулаке Петя постучал ногтями по кружке:

- И как тебе Питер?
- Ты знаешь, что в ней бес?
- В маме?

— В Лиле твоей... Да что ты в этой глупой шляпе, а? — Отец вдруг резко потянулся через стол.

- Не смей!!! — вскрикнул Петя не своим голосом.

Отец улыбнулся как-то в сторону:

- Да ты, кажется, и сам...
- Извини, мне пора.

Петя обулся и ушел, отца оставив в квартире (и ключей не взял).

Вечеринка, на которую ушла Лиля, проходила... он не очень помнил где, — но шляпа услужливо провела его по каналам, по переулкам, по серым дождям, ступенькам, лифтам — сказала все пароли, накинула мантию и довела до пахнущей сыростью залы, где в центре высилось костровище из кривых веток, а вокруг него плотная толпа в черном. Лилина ручка тут же обвилась вокруг его руки (как будто бы в кармане лежала) — со смутным чувством Петя пожалел, что это не рука Раи.

- Это что такое? — спросил Петя, когда они протолклись в первый ряд.
- Инсталляция. — Лилиа улыбалась по сторонам.
- А эти люди вокруг?
- Ну, Петя. — Она приподняла брови игриво. — Комитет по встрече Антихриста.
- Что???

Петя отдернулся от нее — вон из толпы — прямо в центр круга с этими костлявыми ветками. Взгляды нитками пронзали все его органы.

— Молодой человек! — раздался всемогущий голос из дребезжащего динамика. — Проследуйте к своей невесте.

В круг вышли: с одной стороны — глумливая, насмешливая, хищная Лилиа, а с другой — робкая, светящаяся, полная надежды Рая.

- Как ты здесь... — не договорил Петя.
- Пойдем. Ты еще можешь отказаться. — Рая протянула ясную ладонь.

Он смотрел то на одну, то на другую — и безнадежно дрожал. Не выдержав, Петя всхлипнул:

- Господи!

И схватился за голову, но наткнулся на шляпу — ее упругие и заманчивые поля. (Глаза со всех сторон жадно поедали эту сцену.)

— Господи!! — повторил он громче, сорвал шляпу и откинул подальше от себя (та прошипела в полете).

Петя взглянул на Раю — всю переливавшуюся каким-то неотсудным светом — и вскрикнул:

- Господи, прости Христа ради!

И бросился к Лиле, обнял ее и принялся нашептывать «Да воскреснет Бог», крестя и ее, и себя, мучаясь вспомнить, спотыкаясь через слово, но продолжая шептать и крестить.

Атмосфера вдруг преобразилась, спертость испарилась, сырой запах тоже исчез, Лилиа обнимала его, как маленькая, — и вдруг грянул свет: в белом комбинезоне и кеп-

ке (немного заляпанной краской) материализовался какой-то шуплый маляр — вся толпа разом зажмурилась и попрыгала лица.

Маляр привычно посмотрел на обнимающихся, почесал в затылке и сказал:

— Эй, Михон, давай!

Сверху сползла ниточка, маляр обвязал ей Петю и Лилию, затянул на бантик, дернул (легонько) два раза — и они поползли вверх.

— А вы тут не шалите! — сказал он толпе и благополучно исчез.

Прокатился урчливый недовольный ропот: все разбрелись по направлению к закуске и вину, обсуждая.

— Где ж их таких набирают-то?

— Прямо в комбинезоне явился — нет бы хоть фрак надел!..

— Ничего не понимают!

— И вечно так!

— Теперь снова искать дурака...

А черная шляпа лежала себе на зашарканном полу, никому уже не интересная. Тут Рая подняла ее и надела: шляпа улыбнулась и поежилась, с приятностью ощущая под собой хозяйскую голову.

ЧУДЕСА НА ПРОДАЖУ

Фомик сидел за столом и пытался мыслью сдвинуть стакан: он напрягал все внимание, сознанием ощупывал каждую из шестнадцати советских граней, пыжился и бледнел, краснел и приказывал всеми силами — не двигается: ни на сантиметр.

Это они с ребятами говорили (Фомик приехал на новогодние праздники в деревню, укрытую вьюгами и обласканную метелями), со старообрядцами (у каждого было по дому, по жене, по три ребятенка и по бороде — косматой, что твоя тайга) — когда кололи дрова и легкие надрывались от дикой свободы морозного воздуха и труда.

— А приколите, если бы силой мысли дрова рубить? — сказал Фомик, мечтательно закинув топор на плечо, лезвием к небу.

— Это можно, — ответил Марк (старый друг) и грянул топором по полешке; и разлетелась она надвое, и погладил Марк обильную бороду свою.

— Типа молитвой? — спросил Фомик и прищурился (он вообще атеист, программист и велосипедист — так что с сомнением на такие дела посматривал).

— Ну Паисий Святогорец и не такое умел, — вступился басовато Матвей (новый друг) — и тоже грянул, и тоже полетели половинки, и тоже Матвей поправил бороду с довольством.

— А кто его чудеса-то видел?

— Он да Господь.

— Ну тогда не считово.

— Фомик, ты говоришь так, будто из чудес видеоблог делать надо, — сказал Марк и подул на руки.

— А че б и нет?

Марк усмехнулся и поправил бороду. Матвей хмыкнул и поправил бороду тоже. Нагрузившись дровами, они двинули домой по хрустящим и искрящимся сугробам. По дороге им встретился пес Алтай (всегда на кайфе) и еще человек пять, внушительно кивавших и поправлявших бороды (по правде сказать, они были слегка на одно лицо).

Дёма последовали пироги, оружие дети, чай, мед и всякая снедь благодатная. В красной клетчатой рубахе (среди монашески одетых друзей), Фомик смотрел в прозрачно-чайную кружку — и не понимал:

- Вот почему я не могу эту кружку сдвинуть, например?
- В Бога не веруешь потому что, — усмехнулся Марк беззубо и бросил за плечо: — Тишенька, там тележку эти нехристи не вернули еще?
- Нет, дорогой! Вечером обещали! — крикнула жена из кухни.
- А сам-то можешь? — Фомик навалился на стол.
- Что могу?
- Сдвинуть.
- Н-нет, наверное...

Тихаскромна Сергевна (старообрядческая жена) вдруг веско поставила тарелку сырников на стол:

- А в Писании как было? У кого веры с горчичное зерно — тот и горы двигать может. И сделала движение бороду поправить, — но убегло молоко, и она отправилась его догонять.

Вдруг — стакан склизнул и свалился со стола вдребезги. Фомик дернулся, посмотрел по сторонам — один, в гостевом флигеле, в ночь — и поставил на стол еще один граненый стакан (их был целый шкаф). Такие же дребезги.

Третий стакан он двигал уже поуверенней — то ближе к себе, то в воздухе попереворачивать, то поиграть его туда-сюда: скоро и жонглировать получилось. Опытным путем Фомик выявил, что достаточно сконцентрироваться на точке между бровей, представить горчичное зернышко и реально поверить (всего-то делов). Радостный и босой, прямо в кальсонах, Фомик побежал из своего флигеля рассказывать все друзьям.

На одной кровати, бочком к бочку, заспанный Матвей и сонный Марк внимательно смотрели и долго гладили бороды, пока Фомик, брызжа восторгом, рассказывал свое открытие (на всякий пожарный Марк осенял себя крестным знаменем то и дело). Исчерпав аргументы и красноречие, Фомик дерзко бросил взгляд на кружку с чаем — и стал ее двигать.

Почему-то не получалось.

- Это потому, что чай, наверное, — сказал дружески Матвей, взял кружку, допил обжигающимися глотками и поставил обратно.

Фомик весь напрягся, весь расслабился, сосредоточился горошинкой между бровей, стал кружка — и все равно не сдвинул.

- погоди. Это не так надо, это по-другому. — Марк сложил ладошки. — Именем Христа повелеваю...

— Это вы просто мне не верите!! — всхлипнул Фомик и отвернулся в черное-черное окошко (даже узоров морозных не видеть).

Матвею с Марком стало немножко жалко друга обижать (пусть он даже программист), и они бросили бороды. Матвей сказал, как бы подбирая слова:

- Хорошо, Фомик, мы верим тебе. Попробуй опять.

Конечно, Фомик успел обидеться, и настроение было отнюдь не чудесное, но он все же выдохнул, глянул на кружку лениво — и та резво отскользнула на середину стола и даже подпрыгнула этак по-балетному.

Крестились долго — и Марк, и Матвей — крестились бы, может, всю ночь, но тут в окно постучали костяшкой пальца: тук-тук-тук-тук!

- Нечистый!.. — шепнул Матвей и весь сжался.
- Хэй, ребят, это Васиштах! Я тележку у крыльца оставил, спасибо вам!.. А то иду и вижу — свет горит. Дай, думаю, скажу.
- С-спасибо, Вася, до завтра!.. — крикнул повеселей Матвей.
- До завтра! Намасте!

Какое-то время сидели и молча смотрели на кружку.

- А что за Васишта? — Фомик проговорил (как бы горло прочистил).
- А, да кришнаиты, хиппари вонючие... — пробурчал Марк и вспомнил креститься.
- На той стороне живут, за речкой.
- И вы им иногда даете тележку?
- Ага. А они с дровами помогают, ну и вообще, там, по хозяйству. Чечевичные котлеты у них вкусные, — а мы им капустку квашеную. Хотя жена говорит, что...

Слова звучали куда-то мимо — их не говорили по-настоящему и по-настоящему не слушали: на всю комнату непонятно чем звенела кружка.

Последовали опыты. При Тихаскромне Сергевне стаканы почему-то стояли, как мертвые, — а вот при детях летали так, что скоро и пить не из чего стало. Потом Тихаскромну обласкали, убедили, уговорили — и пить сделалось совсем не из чего.

Вслед за стаканами в ход пошла всякая утварь: топоры, ведра, стулья, коровы. Лучшее всего получалось у Матвея (Фомик, кажется, завидовал ему немножко), а у Марка средне. Он верить-то верил, но ходил на опыты с какой-то неохотой.

— А почему наши чудеса должны быть от лукавого? — спросил Фомик, глядя, как в бледных небесах выписывают спираль вареники.

— Потому что сказано в Откровении, — бубнил Марк (смотря на спираль с явным соблазнением), — будут лжепророки и лжечудеса.

А Матвей бороду тербил и вертел вареники туда-сюда:

— А ну как сам Христос то же самое делал? Просто всех убедил, и все поверили? А потом апостолы приходят и говорят: вот вы нам поверьте, а мы вам этот стакан передвинем.

— Но тогда Христос получается шарлатан, а не Сын Божий, — с намеком на упрек сказал Марк.

— Пиар-агент, — поправил его Фомик. — Представитель по связям с общественностью.

Вареники вдруг разом обжарились и — на студеном воздухе дымясь — запрыгнули каждому в рот (ровно по двенадцать штук): стало немного не до разговора.

Матерели морозы, близилось Рождество. Когда Марк на исповеди рассказал про стаканы, отец-настоятель молча сунул ему крест и позвонил куда следует. Докторов выпроводили насилию, не обошлось и без вознаграждения трюфелями (теперь-то их достать было нетрудно). В конце концов — еще надо было проверить гипотезу о горе!

Напялили беговые лыжи — и покатали.

Гора их была не очень-то и гора (скорее, сопочка), но даже на нее по рыхлым сугробам да на лыжах добираться было весело (лесенкой, как уточки). Встав на этой не очень-то горе, они посмотрели на другую не очень-то гору: расслабились, уверовали — и в какие-то полминуты — со всеми деревьями, строениями, людьми, опоссумами (а у них водятся) и минералами — перенесли ее на другую сторону речки. Затем переглянулись и ужасно рассмеялись.

— Ха-ха, блин! Да если это так легко — почему раньше никто горы не двигал? — спросил Фомик, и хлопнул, и на варежки подышал.

— Может, подвижников таких не было? Веры не хватало? — сказал Марк неуверенно.

— Проще. Никому не надо это.

Тут из-за снежных елочек, как из-за сценических гардин, вышел Васишта с двумя детьми в надутых пуховиках (шарообразными).

— Что-что, простите? — Матвей хотел приветственно кивнуть, но вышло, как будто он хотел задрать нос.

— Предмет существует, когда на него кто-то смотрит, — ответил Васиштах, крепко держа детей за руки, с какой-то хмурой миной на лице. — Если на гору никто не смотрит, то кто узнает, что она вообще есть и что ее кто-то двигал?

— И по-вашему, весь мир — это тупой сон? — сказал Фомик и значительно сморкнулся в одну ноздрю (за время в деревне он чему-то все же научился).

— Ну почему тупой? У всех разные.

Васиштах улыбнулся — и в улыбке этой просвечивали цветы какие-то фиолетовые и непонятные.

Кашлянув, Марк робко выговорил:

— Но если есть какой-то общий сон, то... Зачем он нам снится?..

— Пап, у меня ножки замерзли! — Один из детей подергал Васиштаха за руку (болтавшуюся, как тряпочка).

— Сейчас, договорим с дядями и пойдем, — ответил он и снова к троице: — Понимаете, я ничего не имею против ваших опытов, но мои дети хотели покататься на ватрушках, а из-за вас на нашу горку теперь приходится ходить через речку.

— А у Кришны ковер-самолет попросить нельзя? — ухмыльнулся Матвей.

— Попросить вас вернуть все на место будет быстрее.

Тогда Матвей хлопнул в ладоши, как делец:

— Ну хорошо. Нам потребуется ровно капелька вашей веры...

— Веруем! — воскликнули Васиштах и дети (каким-то уж слишком стройным хором — на опережение).

Через десять секунд гора была на прежнем месте.

— Намасте! — Васиштах поклонился с ладошками у груди и повел детей прочь: ватрушки еще долго тянулись за ними, болтаясь и подпрыгивая.

— Нечисто дело, — сказал Марк, крутя бороду беспокойно.

— По-твоему, с язычниками бывает по-другому? — подбоченился Матвей.

— Но если они хотели кататься на той горе, то почему они пришли на эту? — Со сведенными бровями Фомик смотрел, как шуршат убегающие ветви.

Но дело уже покатилося — безо всяких там ватрушек.

Совсем немножко проб спустя Матвей предложил перевести все дело на коммерческие рельсы (хозяйству ж надо помогать). На идею бизнес-проекта остальные немного покривились (Марк), пощурились (Фомик), но бороды расчесали (Фомик тоже отрастил) — и согласились.

Фирму назвали незатейливо, броско — «Чудеса на продажу», и скоро к ним поехали все: от иноков до футболистов, от бабушек до видеоблогеров, от менеджеров до каббалистов. В программу входила неделя в деревне с питанием (для укрепления веры — разумеется, с оплатой рациона) и собственно чудеса (за самую умеренную плату).

Люди потянулись к ним, как муравьишки по траншее, заказы были самые разные: свести ячмень, вернуть оторванную ногу, написать диплом, полететь в космос, поговорить с Калигулой, прочитать второй том «Мертвых душ», прокатиться на единой роге, оцифровать человека, влюбить в себя какую-то девушку (к приворотам сводилась, наверное, половина заказов), похудеть, полетать, найти редкую монетку, слетать в Турцию, сдвинуть стакан — много было и мороки, и вздора, и просто пустяков. Избегала фирма только политики, членовредительства и совсем какого-то разврата.

— Нет, ну что за люди, а? — Развалившись на тахте, Фомик читал с телефона очередное письмо. — Поплывать на дельфине!.. Нет бы нормальное что-то попросить?

— Я напоминаю, что мы исполняем только то, во что они способны поверить... — Матвей хмуро гонял деревянные на доадамовых счетах (калькуляторам он не доверял).

— Но почему такие тупые мечты? Где — мир во всем мире? Где — возрождение птицы додо?

Марк лежал на печке и отрешенно пил горячее молоко. И вдруг — безо всякой причины — он поднялся, зашебуршил и закопался с сумками.

— Ты что делаешь? — Матвей зыркнул сквозь счеты.

— Ухожу. Не хочу людскую веру в бизнес превращать. — Он нерешительно завис над чемоданом. — А жене скажите, что... — Марк махнул рукой и схватил какой-то попавшийся узелок. — Странником ушел!

На словах про «странника» на порог вышла Тихаскромна Сергевна с ножницами и скотчем — и дети за ее спиной выросли в шестиглазый упрек.

— Милый. Что ты? Куда ты?.. — оторопело обронила она.

Марк хотел было ее отпихнуть, но постеснялся. Тогда Тихаскромна Сергевна пала ему в ноги и соплями принялась мазать пол. Марк застыл в нерешительности и неспособности выпутать ноги.

— Ну дружище, ну что ты? — Матвей подошел и хозяйски взял его за плечо. — У нас наконец-то средства появились... Жене вон что-то можешь прикупить.

С болью и гневом поглядел на него Марк. Возле его плеча скромно возник Фомик:

— Пожалуйста. Не надо.

Но Марк наклонился к своей жене, поцеловал ее нежно, прямо в темечко, вдруг выхватил из ее скрюченных рук ножницы, притянул Матвея за бороду (тот весь оторопел) и одним махом бороду всю ему и обстриг:

— Ха-ха-ха! До встречи на Страшном суде!

И показав язык и средний палец (чему-то у Фомика он тоже успел научиться), Марк схватил узелок, тулуп и ушел в снегопадную ночь.

Тихаскромна Сергевна долго плакала и кричала невменяемое, но понемногу успокоилась в молитве. К тому же и Матвей взял финансовые обязательства на себя.

Скоро у «Чудес на продажу» появились конкуренты — Васиштах открыл свою контору (называлась она как-то на санскрите). Из преимуществ у них была вегетарианская кухня, канал в Инстаграме, концерты с настоящими индусами и то, что оплата происходила посредством мытья посуды (по словам местных, Васиштах это дело ненавидел люто). Кроме того, в исполнении чудес они не брезгали разворотом и членовредительством (но до политики все же не доходили, нет-нет-нет). В целях разведки Матвей силой мысли построил башню из досок — смотреть на конкурентов в подзорную трубу.

— Ну что видно? — кричал снизу Фомик и топтался.

— Колдуют.

— И как?

— Не как у нас. Другая техника какая-то. Вон муху в слона превращают... Нет — в бабу!

Фомик тоже взбежал по спиральной лестнице и на секунду попросил трубу. Он тут же отнял ее от глаз:

— А у них тоже это получается, потому что все поверили?

— Ну да. В этом принцип, — сказал Матвей с задубевшей щетиной (борода никак не росла, зато лезли какие-то петровские усы) и приложился глазом.

— А если их заставить сомневаться? — сказал Фомик.

Матвей отлип от трубы и покивал внушительно.

Настала эпоха террора: заручившись поддержкой верных своих клиентов, они раскидывали Декарта, Вольтера, Докинза, Конта — по домам, магазинам, школам, сортирам: с громкоговорителей они транслировали лекции Сапольски по нейробиологии

(слова про электроны в мозгу посередь деревенской благодати звучали как какое-то апчхи), сочинили и отпечатали в страшных тиражах трактат «Чудес не бывает» (и перевели на все языки от китайского до эсперанто), а на въезде в деревню прибили девяносто пять тезисов из него.

— Эй, вы! — задолбил в окошко Васиштах (среди ночи — с жирным фонариком, бившим не хуже прожектора).

Матвей и Фомик притаились и вжались в стену.

— Асуры поганые! Свиньи недорезанные! Электрон, протон!.. Да я из-за вашей науки летать больше не могу!!

Васиштах еще поругался, еще побуянил — и ушел по сугробам на свою сторону и не появлялся уж более (даже тележку попросить).

И чудеса завяли: завертелись шестеренки, запрыгали изотопы, хронотопы, параболы — и хлопнули атомы в ладоши, и узрели люди не через мутное стекло, гадательно, а через великий микроскоп недоверия, к которому все тут же радостно прильнули.

Но была одна проблема, про которую Матвей как-то и забыл, затевая свою программу. Поскольку все свято поверили в то, что верить ни во что нельзя, то чудеса оставили не только фирму кришнаитов (задыхающуюся под горами посуды), но и «Чудеса на продажу» (честно говоря, не верили уже и сами учредители).

Дальше все как-то замялось, а настигшие фирму налоги оказались такие, что на отпуск в Турции едва-то хватало. Простившись с Матвеем (тот еще рвался пробовать снова, в сибирской глуши; но глаза его были в горячке, как у промотавшегося в ничто), Фомик сидел у турецкого моря, под турецким солнцем, в турецком отеле, на турецком балкончике. Он смотрел со страданием на стакан джина, такой одинокий на этом стеклянном столике, — смотрел, как бы мучаясь вспомнить забытое слово. Он не понимал, как это делал.

И вдруг вспомнил.

Он протянул свою руку, сжал стакан пальцами и поднес его прямо ко рту.